

ПАВЕЛ БАРАБЫШКИН

Записки на туалетной бумаге

Павел Барабышкин
Записки на туалетной бумаге

«Издательские решения»

2015

Барабышкин П.

Записки на туалетной бумаге / П. Барабышкин — «Издательские решения», 2015

«Выдайте мне свидетельство о жизни. Только поставьте на него побольше подписей, штампов и печатей, чтобы я не сомневался в его подлинности.» (Чекушка)

Записки на туалетной бумаге

Павел Барабышкин

© Павел Барабышкин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Сжав в липкой ладони ордер на вселение, я пялился на общагу, которая должна была стать моим пристанищем на ближайшие годы. Казалось, серое пятиэтажное здание так же, как и я, изнывало от жары. Оно представляло собой идеальный параллелепипед, поражающий неподготовленного зрителя своей абсолютной симметрией. Общага равнодушно взирала на меня всеми своими окошками и выглядела так, будто, подавляя мучительный зевок, думала про себя: «Ну вот, еще одного черт принес на мою голову! Ходить тут всякие, смотрять. И что ходють? Что смотрють?»

Подавленный ленивым равнодушием своей будущей резиденции, я втянул голову в плечи, пробежал по ступеням и прошмыгнул внутрь.

Внутри было темно и крепко пахло мертвым голубем. Я искренне удивился, увидев огромную шумную толпу студентов. Они с нетерпением ждали, когда же придет их очередь пройти все бюрократические препоны по вселению за вычурной металлической решеткой, разделявшей холл.

Мы толпились в этом загоне за решеткой, а вахтерша, толстая нахмуренная бабуся с пронзительным ледяным взглядом, упиваясь сознанием собственной значимости, стояла у входа в общажный рай. Женя, или попросту бабушка Джон, как называли толпящиеся вахтершу, открывала проход для очередной партии счастливицков, орала громовым голосом на тех, кто пытался просочиться вместе с ними, и болтала о чем-то со старожилами общаги, которые дефилировали по ту сторону решетки, презрительно посматривая на нас, новичков, толкущихся в холле.

Потом были многочисленные очереди, бумажки и жара.

Когда я, выпучив глаза и отдуваясь, поднимался, наконец, по лестнице на пятый этаж, таща под мышкой растрепанный и покрытый подозрительными пятнами матрас, то не испытывал уже никаких эмоций, кроме облегчения от того, что все уже позади. Из состояния ступора я вышел, увидев дверь с номером 542. Не то, чтобы она отличалась от других дверей – такая же деревянная, выкрашенная коричневой половой краской. Просто это была дверь моей комнаты. Я извлек из кармана старинный круглый ключ и, ощущая себя Буратино перед потайной дверцей в камерке старика Карло, со скрежетом провернул его в замке.

В комнате никого не было. Вся мебель состояла из трех железных кроватей, двух рядом стоящих шкафов, стола, тумбочек и пары экстремально расшатанных стульев.

Я бросил свой матрас на одну из кроватей и сел рядом. Сетка раздраженно запищала и низко прогнулась подо мной. Нет, я отнюдь не обладаю богатырским телосложением и не принимаю участия в чемпионатах мира по сумо. Это мой предшественник виноват. Это он делал что-то такое на этой кровати, отчего она в ужасе пищит и скрипит, стоит только к ней прикоснуться, а бедная, ни в чем не повинная сетка свисает почти до пола. Так пусть же нечистая совесть не даст ему спать спокойно, пусть сознание собственной вины омрачит всю его оставшуюся жизнь, ибо то, что он сделал с этой кроватью, чудовищно, и она останется вечным напоминанием его злодеяний.

Размышляя таким образом, я немного покачался вверх-вниз, обозревая свои апартаменты. Окно, начисто лишенное всякого подобия шторы, пол, изящно гармонирующий по цвету с дверью и посыпанный каким-то белым порошком, вероятно, отравой от тараканов. Кое-где в углах комнаты поблескивало битое стекло.

Я подивился этой неожиданной детали интерьера и с целью сбора первоначальной информации об аборигенах вышел в коридор. Аборигены были, по-видимому, ужасно заняты. Они стремительно перемещались в самых неожиданных направлениях, то и дело с видимым удовольствием хлопая дверями, и мыли руки, головы и лица в комнате с рядами умывальников по стенам. На кухне в блестящих тазах и чанах варились трусы и прочие изделия легкой промышленности. Вместо приправ в варево добавлялись стиральный порошок и отбеливатель. Потрясенный посещением туалета, я вернулся к себе. Там я застелил кровать и решил разложить по местам свои пожитки. С этой целью я открыл тумбочку. Внутри меня ожидал сюрприз. Среди пустых пакетиков из-под одноразового шампуня, тетрадных листов и обрывков газет лежала книжица в твердом переплете с надписью на боку: «ЕЖЕДНЕВНИК».

Я человек не очень любопытный, в чужие дела нос совать не люблю, но тут, думаю, любому стало бы интересно. Я отложил на кровать свои вещи, которые хотел распихать по недрам тумбочки, и взял ежедневник в руки. Потрепанная зеленоватая обложка со следами чьих-то яростных укусов скрывала исписанные листы.

На первой странице большими корявыми буквами было выведено: «ЗАПИСКИ НА ТУАЛЕТНОЙ БУМАГЕ».

Я удивленно хмыкнул при виде такого странного заглавия и перевернул страницу. Далее следовало нечто вроде эпитафии:

«Вован, давай пожрем, а спать не будем, будем писать общажный дневник.

– У нас нет базиса. Нужно сдать бутылки и купить тетрадь».

Еще более озадаченный и удивленный, я перелистал ежедневник, более чем наполовину исписанный стремительным неразборчивым почерком. Оказалось, что многие страницы были неровно, явно в спешке, вырваны из него. Я понимающе покивал головой, ибо все становилось на свои места: хроническое отсутствие базиса вынуждало, по всей видимости, авторов сего шедевра использовать его листы по тому назначению, что было указано ими в заглавии. Я сочувственно вздохнул: все мы, как говорится, люди, с кем не бывает, сел на кровать и продолжил читать. Дневник представлял собой набор небольших бессвязных записей о том, что происходило в общаге и за ее пределами, начиная с

12 февраля

...а вечером в гости зашел Миха с первого этажа. Он был сильно возбужден и взахлеб рассказывал о том, что решил бросить пить и курить, а начать заниматься спортом – ходить в качалку. Алкота с Чекушкой не перебивали его. Они, нахмурившись, сидели на своих кроватях и с напряженным вниманием всматривались в мишино лицо, как будто пытались отыскать на нем симптомы опасного заболевания. Когда, наконец, Миха замолчал, Чекушка подошел к нему и озабоченно пощупал ладонью его лоб.

– Температуры, вроде, нет – удивился Чекушка – Ты здоров, Мих?

Алкота неодобрительно покачивал головой.

После недолгих уговоров Миха решил закончить свою спортивную карьеру.

– Пить будем?

– Будем, – хором ответили Чекушка и Алкота.

Однако незамедлительно осуществить на практике достигнутое решение не удалось. Скромный стук в дверь и знакомый до боли голос в коридоре оказали неожиданное воздействие на Миху: поджав свои длинные ноги, он залез под кровать и затаился там.

В этот момент из-за шифонера показалась сначала остренькая борода, затем опухшее лицо, а потом и вся остальная часть Гулькина...»

Ба! Знакомые все лица! – ухмыльнулся я, подняв глаза от писанины. Я вспомнил недавнее мучительное вселение, духоту и тесноту перед кабинетом с табличкой на двери: «Предсе-

датель студенческого профкома Гулькин А. Д.». Вспомнил, как стоял в бесконечной очереди к этой двери, а какие-то наглые типы все время пролезали вперед: то они, оказывается, когда-то там занимали, то невероятно куда-то спешили, а то вообще ничего не объясняли, а просто лезли себе молча напролом, будоража тем самым и без того распаленных жарой и долгим ожиданием честных всееляющихся. Вспомнил, как, наконец, подошел мой черед, и я, с облегчением вздохнув, вошел в кабинет таинственного А. Д. Он сидел за столом, окруженный лучами славы, и, склонив голову на грудь, созерцал что-то между своими ногами, не обращая на меня ни малейшего внимания. Я робко откашлялся. А. Д. медленно поднял на меня мутный взор, затуманенный страданием, и вдруг икнул. Лучи славы померкли. До меня долетел слабый запах перегара.

Раздасадованный на меня за свою промашку, Гулькин схватил мои документы и с трудом сфокусировал на них взгляд.

Переминаясь с ноги на ногу, я увидел, как щетинистое лицо его озарилось дьявольской усмешкой.

– Вот, – он ткнул куда-то в мои бумаги грязным ногтем, – печати нет, – мстительно прогнусил А. Д. и выставил меня за дверь ставить эту печать.

Ах, А. Д., А. Д.! Если бы ты знал, как я был ошарашен этим, как больно забилося мое сердце и скольких толчков в коридоре и потерянных нервных клеток (между прочим, не восстанавливающихся никогда) стоила мне потом эта проклятая печать! Может, тогда ты не был бы так злораден? Может быть, и твое черствое сердце сжалось бы от жалости и слезы сострадания потекли бы по твоим небритым щекам? Но нет, увы! Сердце начальника не знает сострадания, даже если этот начальник всего лишь председатель студенческого профкома.

Поплевав на палец, я перевернул страницу и продолжил читать.

«... вся остальная часть Гулькина.

– Где Михаил? – спросил Алексей Денисович.

– Какой Михаил? – поинтересовался Алкота.

– Тот, который только что из двери выглядывал, – пояснил председатель студенческого профкома. – Под какой он кроватью?

– Не знаю, под какой, – пожал худыми плечами Алкота.

– Гнетущее молчание затянулось, и, наконец, под кроватью послышался шорох. Отряхивая пыль, появился Миха.

– Ты что там делал? – спросил Гулькин.

– Спички искал, – ответил Миха.

– Ну и что, нашел?

– Ага, – бодро сказал Миха и потряс коробком.

– Вы что, из меня дурака делаете? – удивился Гулькин. Его богатый козлиными интонациями голос обиженно дрожал. – Будете дежурить на кухне с сегодняшнего дня и по... – он неопределенно махнул рукой».

Что сделал Гулькин дальше, осталось неясным, так как на этом общажный летописец поставил точку, потом нарисовал три звездочки, вот такие:

* * *

и начал писать уже совсем о другом.

«Пили в 525, потом в 542, потом в 550. Михе спускаться на первый этаж было впадлу, и ему постелили матрас на шифонере.

Чекушка долго не мог заснуть на голой кровати и слушал, как наверху на его матрасе ворочался и кряхтел Миха.»

Я устроился поудобнее, облокотившись спиной о стену, и начал читать не отрываясь, благо каракули стали понятнее.

13 февраля

Когда до закрытия общаги оставалось пять минут, решили еще выпить. Время поджимало, и Алкота в спешке надел михины ботинки. Выглядел он очень экстравагантно, так как ботинки были ему на четыре размера велики. Ботинки-лыжи понесли Алкоте через дорогу. Если бы не Миха, Алкота не вернулся бы назад – было скользко. Для отмаза пришлось купить хлеба, чтобы пройти через вахту в первом часу ночи.

Вахтерше явно не понравился вид Алкоты, а, точнее, михины ботинки, которые, вероятно, ранили ее изысканное чувство прекрасного.

Пили «Золотое поле», ели соленое мясо. Было круто. Хорошо, что Женька, которому принадлежало это мясо, не ночевал дома.

* * *

Чекушка уже давно стал замечать, что ему стали сниться странные сны. Однажды ему приснилась вереница грузовиков, груженных застреленными кенгуру. Они лежали друг на друге в кузовах, истекая кровью. На утро Чекушка долго не мог понять, что же предвещал этот сон.

Вот и в эту ночь его посетило странное видение. Ему снилось, что в общагу пришел известный теннисист Евгений Кафельников и принес целую сетку бутылок с водкой. Бухали. Оказалось, что Женек – нормальный пацан. Не жмот и вообще...

14 февраля

Придя из института, застали стонущего на кровати Эндрю.

– Что делаешь, Эндрю?

– К госу готовлюсь, шпаргалки пишу.

– Сколько уже сделал?

– Две.

– А чего стонешь?

– Ноги сводит.

– Ах, что же с тобой будет, когда двадцать напишешь?

* * *

Пошли клеить валентинку, вырезанную из коробки от чая «Три богатыря», на дверь девчонкам с третьего этажа. Неожиданно от Таньки поступило предложение выпить, сопровождаемое денежным взносом в размере семидесяти рублей. Предложение было воспринято с должным пониманием, особенно Михой, который не сводил с Таньки пристального восхищенного взгляда.

В дальнейшем воспоследовали новые денежные субсидии. Танька пропивала чью-то стипендию.

* * *

В эту ночь Миха снова остался ночевать на шифонере.

– Танька с нашего факультета, да? – неожиданно раздался в темноте его голос.

– Угум, – засыпая, – пробормотал Алкота.
– Прикольная девчонка, да?
Алкота ответил громким заливистым храпом.
Миха повздыхал, поворочался немного, и вдруг сверху послышалось:
Не кочегары мы, не плотники,
Но сожалений горьких нет.
А мы монтажники-высотники
И с высоты вам шлем привет! – распевал Миха.
Трепал нам кудри ветер высоты
И целовали облака слегка.
На высоту такую, милая,
Ты не посмотришь свысока! – закончил он и счастливо засмеялся.

15 февраля

Хотелось есть.

В 16.05 Алкота, Чекушка и Миха встретились на шифонере. Много читали. Алкота читал журнал «Интим», Миха – Книжку под названием «Я невинность потерял в борделе».

Зашла Наташка показать Эндрю фотографии. Опершись на локоть, он приподнялся на кровати и в таком положении изучал фотки.

– Прикиньте, я палец сейчас проколола гвоздем, – пожаловалась тем временем Наташка.

– Зачем? – удивился Чекушка.

По-прежнему недоумевая по поводу цели пробиения пальца, он в компании Алкоты пошел на третий этаж стрелять Тургенева.

В 321 книжку, наконец, дали. Однако, Алкоте этого показалось мало. Внимательно оглядев комнату, он заметил на столе поднос с яблоками.

– Можно еще яблочко взять, – жалобно попросил он.

– Нет, у нас нехватка, – строго объяснили ему.

– Ну, тогда хотя бы куснуть разочек?

– Ладно, кусни, – Алкоте протянули аппетитное красное яблоко.

Он широко раскрыл рот и бессовестно отгрыз сразу половину фрукта.

– Можно я тоже кусну? – спросил Чекушка и, не дожидаясь ответа, вырвал оставшуюся половину яблока у Алкоты и засунул себе в рот.

– Шпашибо! – выдавил, задыхаясь, Чекушка, и они с Алкотой вышли в коридор.

* * *

– Цып-цып-цып-цып! – доносилось из кабинки в сортире.

Это Алкота разговаривал со своей какашкой.

Чекушка тем временем спешно направлялся по коридору туда же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.